

**АНАТОМИЯ СТРАХА В РОМАНЕ
ДМИТРИЯ БЫКОВА «СПИСАННЫЕ»**

В статье исследуется механизм страха на материале романа «Списанные» Дмитрия Быкова. Уделяется особое внимание анализу приемов, которые на уровне фабульного хода делают возможной психологическую реконструкцию этого механизма. Делается вывод, что Дмитрию Быкову удастся раскрыть анатомию и причины тотального страха современного человека, человека эпохи нестабильности, тотальной неизвестности.

Ключевые слова: Дмитрий Быков, психологическая реконструкция, начальное допущение, провокативность, версия.

К творчеству современного отечественного писателя Дмитрия Быкова сформировался устойчивый читательский интерес. Он, пожалуй, самый плодовитый на сегодняшний день писатель, одна из самых заметных фигур в медийном пространстве: поэт, автор романов, публицист, литературный критик, участник различных теле- и радиопередач.

В многообразном по жанровому составу творчестве Дмитрия Быкова наибольший интерес представляют его романы. Один из последних романов писателя, в котором исследуется механизм страха, — «Списанные» — был опубликован в 2008 г. и задумывался как первая часть трилогии «Нулевые». Название романа символично. В нем видится некоторая двусмысленность — герои списаны с натуры и одновременно списаны в утиль. Символичным представляется и название предполагаемой трилогии — «Нулевые»: непонятное, зыбкое время. «Все смутно, все неясно, узлы не развязываются, загадки не разгадываются, сюжетные линии не заканчиваются, а обрываются» [1].

Действие романа «Списанные» происходит в начале XXI века. Писатель с помощью приема *реконструкции* (состоящего в восстановлении по крупным, мельчайшим элементам таких реалий, которые автор не видел, но в которых он усматривает актуальные моменты, идеи, важные для современности) проецирует возможность повторения печального опыта сталинского периода в наше время и приходит к выводу, что опыт тех страшных времен не забыт, а на подсознательном уровне жив в каждом человеке.

По сюжету главный герой романа, двадцативосьмилетний сценарист Сергей Свиридов, вдруг узнает, что он в списке. Что это за список, по какому критерию он составлен — неизвестно. Герой начинает мучиться догадками, выдвигать и воспринимать десятки версий о причине возникновения списка. В то же время он понимает, что жизнь ему больше неподвластна и отныне движима чужой волей к неизвестному финалу. И виной тому какой-то абсурдный список.

* © Спиридонова М.Ю., 2012

Спиридонова Мария Юрьевна (maryaspirit@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Загадочные списки, тревожные предчувствия, препятствия в поездках за границу, потеря работы по неизвестной причине — в чистом виде годы советских репрессий. Прозрачная историческая аналогия наталкивает Свиридова на печальные размышления: «Заносить себя в список, даже на бронь в кинотеатре, всегда страшно: клик — и на тебя начали распространяться чужие закономерности. Бодровский список больше всего напоминал жуткие расстрельные перечни <...> или отчеты о немецких карательных операциях, — но в любом списке есть обреченность: узнан, вычислен, учтен» [2, с. 88].

Обреченность рождает в герое постепенно разрастающееся чувство страха. Жизнь его превращается буквально в смесь страха и паранойи, в постоянное ожидание чего-то ужасного, непреодолимых препятствий во всех сферах деятельности. На собственном опыте Свиридов убеждается: быть в списке — значит быть «списанным», вычеркнутым из нормальной жизни.

Ключевым понятием романа, механизм которого исследует автор, становится *страх*. Страх — естественное чувство человека. Страх неизвестности, неуверенности в завтрашнем дне испытывают многие. Но в романе ситуация осложняется тем, что *страх будущего непосредственно связан со страхом, идущим из прошлого, страхом повторения событий давно минувшей эпохи*. Ведь главного героя не столько пугает неизвестность, сколько вероятность повторения опыта прошлого, боязнь которого заложена в человеке на генетическом уровне («Теперь же на Свиридова смотрели с выражением, слишком ему знакомым *по генетической памяти*: «Будем признаваться или дальше обманывать органы?» [2, с. 9]).

Люди, внесенные в список, незаметно подчиняет себя ему, он становится их смыслом, главным событием в жизни серых, ничем не примечательных людей. Практически никто из героев не способен перестать бояться, вычеркнуть себя из всяких списков. Но решиться выйти из списка сложно и страшно.

Таким образом, в романе на уровне фабульного хода происходит *психологическая реконструкция механизма страха*. Автор показывает, как укорененное на генетическом уровне это чувство (попасть в некий ряд, список, ожидание повторения репрессивных мер и т. д.) постепенно завладевает умом человека, подчиняет его себе, заставляет действовать определенным образом. Человек, поддавшийся этому тотальному страху, внутренне несвободен, он зависим от своего ужаса, от людей, столкнувшихся с подобным, он ощущает враждебность общества, отвергающего его. И если в начале романа чувство страха у героя смешивается с раздражением от осознания абсурдности происходящего, то к концу романа страх перерастает в ужас, становится тотальным.

Страх охватывает героя настолько, что он начинает сомневаться в правомерности своего существования: «Вот: я боюсь, что не имею права быть, что в моем появлении тут с самого начала есть роковая неправильность» [2, с. 183].

А ведь причина боязни — советское прошлое, знание о репрессиях 1930-х, страшные факты расстрельных списков и лагерной жизни, многократно описанные в художественной и научной литературе.

Парадокс в том, что чувство страха в романе не пропорционально тому, что его вызвало. Основой страха служит невинная вещь — список. В наше время невозможно представить себе человека, живущего вне всяких списков. Но в романе появление списка рождает такой страх, в который человек уходит с головой, чувствует себя слабым, уязвимым, отсюда неуверенность, что все беды прошлого ушли безвозвратно. Быков помещает своих персонажей в нелепую ситуацию и заставляет воспринимать абсурдность происходящего с ними всерьез, не воспринимать список как данность способна лишь одна героиня, остальные же примиряются с идеей списка, даже начинают видеть плюсы в своем новом положении, каждому находится роль («клас-

сическая профсоюзница командовала», «классический остряк острял», «типичный дачник катил перед собой, как тачку, типичную участь дачника» [2, с. 97]).

Но причины страха героя автор объясняет не только через аналогии со сталинской эпохой, но и неясностью, неизвестностью, нестабильностью времени, в которое мы живем: «Свиридов в тысячный раз принялся перебирать свои грехи. В том-то и дело, что сегодня уже не знаешь, в чем можешь быть виноват. Никаких правил: самое поганое время, когда все еще только сгущается» [2, с. 105].

Исследование механизма страха возможно благодаря использованию приема *начального допущения*. Таким начальным допущением в романе становится появление загадочного списка, который рождает десятки версий и предположений. Одна версия сменяется другой, выстраиваются и тут же рушатся целые цепочки доказательств какой-либо версии. Появление списка ведет за собой развитие многочисленных сюжетных линий романа, герои разного социального положения, разных судеб вдруг оказываются связаны, объединены общей проблемой.

Неведомый список автоматически рождает ассоциации со временем сталинских репрессий и печально известными расстрельными списками. Так возникает *провокативная идея* о том, что то страшное время может вернуться.

Провокативна в романе и сама идея возвращения того времени, и идея применения репрессивных мер, и идея возникновения в начале XXI века черт и примет сталинской эпохи. Доносительство, шпионаж – черты, характерные для сталинской эпохи, вдруг возникают в наши дни («Каждый собирал на другого досье и ждал только повода обнародовать» [2, с. 37]).

Тотальная слежка, всеобщая паранойя – признаки тоталитарной системы появляются в романе в связи с образом телевизионной рекламы, устойчивым символом современности, вызывающим отвращение автора своей физиологичностью («В девяти из десяти рекламных сюжетов речь шла о вещах, о которых приличные люди вслух не говорили...» [54, с. 37]).

Провокативность этих идей обнаруживает большую очевидность на фоне лозунгов о стабильности, благополучии, демократии, пропагандируемых современными СМИ. Но Дмитрий Быков зорко исследует современность и показывает все ее пороки, раскрывает механизм страха современного человека, человека эпохи нестабильности, тотальной неизвестности.

Роман «Списанные» как произведение, с одной стороны, о настоящем, но, с другой стороны, о будущем раскрывает суть переходного времени. Если на рубеже XIX–XX веков люди входили в новое столетие с позитивной надеждой на светлое будущее, с ожиданием появления новых возможностей, то опыт XX века показал, как жестоки бывают люди, как низка их сущность (пример тому две мировые войны), и начало XXI века стало временем нестабильности и неясности, ожиданием некоей мировой катастрофы. Попытки увидеть, смоделировать будущее оказываются связаны со страхом – с одной стороны, страхом, что что-то новое и ужасное ждет нас впереди, с другой – что горький опыт прошлого может вернуться.

Библиографический список

1. Майков М. Рецензия на книгу: Дмитрий Быков «Списанные» // Лабиринт. 2008. URL: <http://www.labyrinth.ru/news/3910/>.
2. Быков Д. Списанные. М.: ПРОЗАИК, 2008. 350 с.

*M. Yu. Spiridonova**

**THE ANATOMY OF FEAR
IN THE NOVEL «WRITTEN OFF» BY DMITRIY BYKOV**

The article investigates the mechanism of fear on the material of Dmitriy Bykov's novel «Written off». The author of the article gives full attention to analyse techniques, which make possible psychological reconstruction of that mechanism on the level of the plot passage. The author concludes that Dmitriy Bykov manages to reveal the anatomy and causes of total fear of modern human, the human of era of instability, total uncertainty.

Key words: Dmitriy Bykov, psychological reconstruction, initial assumption, provocation, version.

* *Spiridonova Maria Yurievna* (maryaspirit@gmail.com), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.